

9. РГВА. – Ф. 4. – Оп. 18. – Д. 55. – Л. 73.
10. Там же. – Л. 91.
11. Там же. – Л. 219.
12. Там же. – Д. 59. – Л. 48.
13. Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы [Текст] – М.: Русская книга, 1992. – С. 77.
14. Чернецкий, В. В небе Испании [Текст] / В.В. Чернецкий // Военно-исторический журнал. 1976. – № 8. – С. 92.
15. РГВА. – Ф. 35082. – Оп. 1 а. – Д. 40. – Л. 46.
16. Там же. – Ф. 4. – Оп. 18. – Д. 55. – Л. 86.
17. Цит. по: Завгородний, Н. Тяжелый урок [Текст] / Н. Завгородний // Авиация и космонавтика. 1990. – № 6. – С. 29.
18. Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления [Текст] – М.: АПН, 1990. – С. 318.
19. См.: 1941 – уроки и выводы [Текст] – М.: Воениздат, 1992. – С. 37.
20. Мюллер-Гиллебранд, Б. Сухопутная армия Германии 1933 – 1945 гг. [Текст] – М.: Иностранная литература, 1958. – Т. 2. – С. 108.
21. РГВА. – Ф. 4. – Оп. 14. – Д. 2768. – Л. 90-97.
22. Там же. – Ф. 35083. – Оп. 1. – Д. 112. – Л. 116-186.
23. Кувшинский, Д.Д. Служба здоровья (Военная медицина на страже здоровья воинов) [Текст] / Д.Д. Кувшинский, В.А. Гринь – М.: Воениздат, 1971. – С. 72-74.
24. РГВА. – Ф. 35082. – Оп. 1 а. – Д. 12. – Л. 35.
25. См.: Там же. – Ф. 4. – Оп. 14. – Д. 2768. – Л. 64.
26. См.: Там же. – Д. 2631. – Л. 1-258.
27. См.: РГВА. – Ф. 4. – Оп. 14. – Д. 2643. – Л. 47-49.

В.В. ЖАРКОВ

Проблемы морально-психологической подготовки Красной Армии в 30-е годы XX века

Рассматривается морально-психологическая подготовка личного состава Красной Армии в предвоенный период. Показано, каким образом руководство страны через политическое управление РККА воздействовало на личный состав, применяя вместо трезвого анализа обстановки восхваление мероприятий, проведенных руководством.

Moral and psychological preparation of staff of Red army during the premilitary period is regarded. It is shown, how the country leaders through political management of the red Army influenced staff, applying instead of the sober analysis of conditions eulogy of the actions lead by the management.

Одним из важнейших стереотипов, сыгравших не лучшую роль в подготовке и моральном состоянии войск, стало пренебрежительное отношение к врагу и уверенность в политической неустойчивости тыла вероятного противника.

На XVII съезде ВКП(б) И.В. Сталин по данному поводу говорил: «Предстоящая война с буржуазией будет происходить не только на фронтах, но и в тылу противника... многочисленные друзья рабочего класса... постараются ударить в тыл своим угнетателям... Едва ли можно сомневаться, что вторая мировая война против СССР приведет к полному поражению нападающих, к революции в ряде стран... и разгрому буржуазно-помещичьих правительств этих стран»[1].

Военно-политические деятели постоянно стремились выказаться по этому поводу. Их хвалебные статьи и речи печатались в периодической печати. Так, 17 ноября 1938 г. газета «Правда» напечатала: «В тот же миг,

когда фашисты посмеют нас тронуть, Красная Армия перейдет границы вражеской страны... Наша оборона – это наступление. Красная Армия ни единого часа не останется на рубежах, она не станет топтаться на месте, а стальной лавиной ринется на территорию поджигателей войны... Империалистический зверь будет сокрушен в своем логове, и сокрушен так, что уже больше подняться не сможет»[2].

В том же номере майор-орденоносец А. Осадчий утверждал: «Советскую границу врагу перейти не удастся, ибо при первой его агрессивной попытке наша Красная Армия опередит его. Мы перейдем границу врага и вот там, на его же территории, будем его беспощадно громить... Мы не будем ждать его удара, а сами со всей силой нашего могущества первыми нанесем врагу сокрушительный удар на его же территории. Наши танки помчатся по вражеской земле... Наши самолеты зареют над его территорией»[3].

М.И. Калинин, выступая на выпуске слушателей военных академий в Кремле 4 мая 1935 г., заявил: «В мире есть одно только государство – Советское государство, целью которого является полное освобождение человека от векового рабства. И Красная Армия, все ее бойцы и командиры прекрасно понимают, что при возможном столкновении с врагами мы можем и должны только победить»[4].

Хвалебные речи были подхвачены и наркомом обороны К.Е. Ворошиловым. Выступая на XVIII съезде ВКП(б), он заявлял: «Красная Армия представляет собой гигантскую силу..., наша РККА является первоклассной армией, лучше, чем какая-либо другая армия, технически вооруженной и прекрасно обученной армией... Наша армия несокрушима»[5]; «Только безграничной тупостью, только глубоким невежеством и обреченностью можно объяснить мечты наших врагов о каких-то завоеваниях на наш счет... Только ограниченность и глупость, которые, очевидно, являются неизбежным следствием обреченности капитализма, могут внушить эти мысли нашим классовым врагам»[6].

На основании этих речей и статей стали создаваться руководящие документы. Так, например, в приказе ПУРККА № 49 от 1 октября 1928 г. «О двухлетней программе поллитзанятий с красноармейцами» были следующие лозунги: «Всякая капиталистическая армия – армия нападения, армия, угрожающая миру... Красная Армия, защищая СССР, является мощным вооруженным отрядом...» [7]. В ней содержались и такие высказывания: «Нашей политикой мира, подкрепленной в то же время твердостью в защите интересов трудящихся от посягательств капиталистов... Все рабочие и угнетенные народы мира убедились, что Советская власть является носителем мира и борцом против опасностей новых войн»[8].

Временный полевой устав РККА, выпущенный в 1936 г., содержал такое положение: «Всякое нападение на социалистическое государство ... будет отбито всей мощью Вооруженных Сил Советского Союза с перенесением военных действий на территорию нападавшего врага»[9]. Данные «шапкозакидательские» настроения имели место и в других более поздних документах.

Все это настроение передавалось и красноармейцам. Среди военнослужащих, принимавших участия в боевых действиях, наблюдалась морально-психологическая неподготовленность, которая выражалась в беспечности, неорганизованности, преступной халатности. Так, например, рота 118-го стрелкового полка 40-й дивизии, посланная на помощь сражавшимся пограничникам, не только опоздала, но и прибыла к месту боевых действий с холостыми патронами и деревянными гранатами, приняв боевую тревогу за учебную, и с таким оружием вступила в бой. Когда же были доставлены боевые гранаты Ф-1, то оказалось, что пользоваться ими не умели ни красноармейцы, ни командиры[10].

Неудачные действия 40-й стрелковой дивизии в боях у озера Хасан, ее неоправданно большие потери были обусловлены той поспешностью, с которой она была введена в бой, недостатками предварительной подготовки, отсутствием четкого взаимодействия, недооценкой сил противника и слабым знанием местности. Они показали, на что на самом деле была способна Красная Армия. Надо сказать, что даже эти неудачи не изменили отношения к неправильной оценке (переоценке) своих сил.

В средствах массовой информации утаивались правдивые данные, к печати допускались либо положительные факты, которых было немного, либо преувеличенные и ложные положения. Так, газета «Известия» 8 августа 1938 г. опубликовала сообщение: «Советские части освободили нашу территорию от остатков японских войск, заняв прочно наши пограничные пункты», хотя на самом деле в это время наши войска вышли только на южные склоны вышеупомянутых высот. Данные материалы приводили к путанице и недоумению личного состава, принимавшего участие в боях.

Обобщение боевого опыта происходило с большой задержкой. Так, директива ПУРККА, содержащая требование к командно-политическому составу внимательно изучить опыт боев на КВЖД и использовать его в боевой подготовке войск, вышла лишь спустя два года (29 декабря 1931 г.) [11].

Воспитательная работа по итогам боевых действий в основном была направлена на пропаганду героизма и мужества советских

воинов и использовалась для военно-патриотической мобилизации населения. Анализ боевых действий не проводился, не говоря уже о рассмотрении допущенных ошибок.

Объективный анализ Хасанских событий, предпринятый военными специалистами по «горячим следам», убедительно показал, что наряду с положительными сторонами в деятельности наших войск проявились и многие негативные моменты, недостатки в боевой выучке частей и подразделений Красной Армии, нерешительность, а подчас даже растерянность молодых командных кадров, не имевших достаточной подготовки и боевого опыта [12].

В соответствии с директивой ПУРККА от 19 апреля 1938 г. был определен режим использования книги «Бои Хасана»: она должна изучаться на собраниях командиров и политработников, а до красноармейцев следует доводить отдельные фрагменты.

Реальная действительность войны была спрятана от народа. Те издания, в которых располагались хотя бы фрагменты критической информации, тщательно засекречивались, а режим их использования был регламентирован до мелочей [13].

Официальные издания регулярно публиковали статьи участников боевых действий на Хасане. Журнал «Партийно-политическая работа» открыл рубрику «Партийно-политическая работа в боевой обстановке» [14], которая в основном содержала пропаганду героизма воинов, а какой-либо анализ боевых действий в ней полностью отсутствовал.

4 сентября 1938 г. нарком обороны СССР К.Е. Ворошилов издал совершенно секретный приказ № 0040, который был посвящен итогам боевых действий у озера Хасан. В нем отмечалось: «огромные недочеты в состоянии Краснознаменного Дальневосточного фронта. Боевая подготовка войск, штабов оказалась на недопустимо низком уровне. Воинские части оказались раздерганными и небоеспособными, снабжение не организовано» [15]. Но, несмотря на это, народу по-прежнему поставлялась недостоверная информация, на основании которой рядовые военнослужащие восхваляли партию и руководство страны. Так, например проведенный по горячим следам боев партактив участников боевых действий принял приветствие И.В. Сталину: «Наш дорогой друг, вождь и

отец! ...Части группы, вдохновляемые Вашим именем, доказали всему миру готовность нашего народа с оружием в руках отстаивать каждый вершок родной земли... Заверяем Вас в том, что самурайская гадина, в случае повторения своих захватнических попыток, получит новый сокрушительный удар»[16].

У большинства военнослужащих, принимавших участие в боях, подобные заявления вызывали недоумение и растерянность. Воевавшим бойцам и командирам «сверху» предписывались «правильные» мысли и оценки военных действий, зачастую далекие от реальности.

Такое резкое несоответствие декларируемого и реального положения дел объяснялось стремлением власти скрыть правду от народа. Низовые политработники, страшась санкций за ошибки, старались доводить до личного состава только ту информацию, которая соответствовала «правильной». Невозможность говорить правду в повседневной воспитательной работе неизбежно приводила к комментаторству и догматизму пропаганды и агитации. Часто непростые вопросы, возникавшие в ходе боев, получали примитивные ответы [17].

В боях на Халхин-Голе красноармейцы в открытую, критически оценивали состояние Красной Армии: «У нас машины плохие. Оружие мы знаем плохо, наша часть небоеспособна, и японцы нас разобьют» [18]. Такие высказывания зачастую заканчивались паникой: «Наших бьют, так никогда не били, уничтожили целую пехотную дивизию». Это приводило к дезертирству, самоубийствам среди личного состава. Так, по сообщению председателя Военного трибунала 1-й армейской группы за время боев на Халхин-Голе в период с 12 мая по 20 октября 1939 г. за уклонение от военной службы было осуждено 89 человек [19].

Трезво взглянуть на собственную боеготовность и боеспособность, особенно после репрессий в армии, решались немногие, и происходило это чаще всего на уровне публицистики. Так, 10 апреля 1938 г. в «Литературной газете» появилось письмо под заголовком «Товарищи писатели, держите народ в мобилизационной готовности!», подписанное военнослужащими Военно-инженерной академии. В нем критиковались «фальшивый ура-патриотизм и ура-настроения», содержа-

лось требование «не усыплять, а держать народ все время в боеготовности». Московский критик Н. Куплевацкий в статье «Против шапкозакидательства» сделал вывод, что произведения оборонной тематики отличаются «козьмакрючковщиной» и «шапкозакидательством», а враг обязательно изображается «тупоголовым, нерасчетливым..., что скорее ослабляет чувство бдительности, нежели заостряет его»[20].

Морально-психологическая подготовка в межвоенный период была одной из составляющих воспитательной работы, с помощью которой руководство страны оказывало влияние на личный состав и постоянно воздействовало на него. Однако она развивалась не в том направлении, основной ее задачей было восхваление мероприятий, проведенных руководством страны.

Примечания

1. XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет [Текст] – М., 1935. – С. 198.
2. Правда. – 1938. – 17 ноября. – С. 2.
3. Там же. – С. 4.
4. М.И. Калинин о воспитании советских воинов [Текст] – М.: Воениздат, 1975. – С. 95.
5. XVIII съезд ВКП(б): Стенографический отчет [Текст] – М., 1939. – С. 146.
6. Российский государственный военный архив (далее РГВА). – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 505. – Л. 598-599.
7. Двухлетняя программа политзанятий с красноармейцами: сборник приказов и циркуляров Политического управления РККА СССР [Текст] – М., 1929. – № 16. – С. 134.
8. Там же. – С. 133.
9. Временный полевой устав РККА. 1936. (ПУ-36) [Текст] – М., 1937. – С.9; Советские Вооруженные Силы. Вопросы и ответы [Текст] – М., 1971. – С. 197 – 198.
10. Панасовский, В.Е. Герои Хасана и Халхин-Гола: К 50-летию событий [Текст] – М.: Знание, 1989. – С. 29.
11. См.: Идеологическая работа в Вооруженных Силах СССР: Историко-теоретический очерк [Текст] – М., 1983. – С. 154.
12. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 427. – Л. 36.
13. См.: Там же. – Оп. 40. – Д. 54. – Л. 141; Л. 144.
14. Вооружиться опытом партийно-политической работы в боевой обстановке [Текст] // Партийно-политическая работа в РККА. – 1938. № 20. – С. 1-6.
15. Приказ народного комиссара Союза ССР № 0040 [Текст] // Военно-исторический журнал. – 1990. – №1. – С. 86.
16. Цит. по: Как мы били японских самураев: сборник статей и документов [Текст] – М., 1938. – С. 21.
17. См.: Осьмачко, С.Г. Армия в локальных войнах и военных конфликтах (1929-1941 гг.): боевой опыт и военная политика [Текст] / С.Г. Осьмачко – Ярославль, 1999. – С. 107.
18. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 394. – Л. 347.
19. Там же. – Д. 505. – Л. 255.
20. См.: Там же. – Л. 326.
21. Правда. – 1939. – 19 апреля.

О. Е. ФЕОФАНОВ

Политика советского государства в отношении частного капитала в годы социалистической индустриализации (по материалам Ярославской губернии)

Показана политика руководства СССР в 1925-1928 гг. по ограничению деятельности и фактической ликвидации частного капитала на территории Ярославской губернии.

The policy of the management of the USSR during 1925-1928 on restriction of activity and actual liquidation of the private capital on territories of the Yaroslavl province is shown.

В конце 1925 года Советское государство подошло к новому этапу своего развития. Курс на индустриализацию, принятый XIV съездом партии, знаменовал окончание восстановительного периода в жизни страны и начало наступления на капитализм в решающей сфере народного хозяйства – материальном производстве. Решение этой задачи

было сопряжено с преодолением серьезных внутренних и международных трудностей.

Наряду со структурой и темпами развития промышленности одной из основных в экономической стратегии социалистической реконструкции являлась проблема накопления капитала. При отсутствии внешних кредитов советское руководство должно было изыскивать внутренние ресурсы для создания